

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Конопаткин Владислав Алексеевич

**Саморепрезентация римской императорской власти
в V веке н.э.**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2026

Работа подготовлена на кафедре истории древнего мира исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

- Научный руководитель** — ***Никишин Владимир Олегович**, кандидат исторических наук*
- Официальные оппоненты** — ***Мехмадиев Евгений Александрович**, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, кафедра истории Средних веков, доцент*
- Махлаюк Александр Валентинович**, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра истории Древнего мира и Средних веков, заведующий кафедрой*
- Усов Дмитрий Андреевич**, кандидат исторических наук, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедра истории государства и права, преподаватель*

Защита диссертации состоится «28» сентября 2026 г. в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.056.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-419.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3698>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена новым всплеском научного интереса к проблеме сущности римской императорской власти. В центре внимания исследователей оказался комплекс ключевых вопросов: что означало быть римским императором в политическом, социальном и символическом измерениях? Современные ученые переосмысливают место императора в сложной системе управления Римской империей, анализируя не только формальные полномочия правителя, но и те механизмы, которые позволяли конкретному человеку приобретать и поддерживать свой императорский статус.

Вопросы сохранения и передачи власти, взаимодействия с различными социальными группами (армией, сенатом, провинциальными элитами, городским населением), а также символические стратегии репрезентации императорского величия образуют то проблемное поле, которое продолжает стимулировать новые исследования о природе римской императорской власти. Совсем недавно актуальность этой темы подчеркнул А.В. Махлаюк в статье «Быть императором в Римском мире. Новые ответы на старые вопросы»¹.

В 1995 г. Ю.Л. Бессмертный констатировал, что к концу века у самых разных исследователей появляется повышенное внимание к феноменам, непосредственно связанным с социокультурным способом властвования². Лишь антиковедение как традиционно консервативное направление в исторической науке долго оставалось в стороне от этого тренда. В отечественной историографии до сих пор пристальному изучению в этом

¹ Махлаюк А.В. Быть императором в Римском мире. Новые ответы на старые вопросы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2025. № 1. С. 230–246.

² Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма в микроистории // Одиссей. Человек в истории. М., 1995. С. 15.

ключе подвергалась эпоха средневековья³, а античность, в особенности поздняя, долгое время изучалась по лекалам, заданным еще в XIX в.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным аспектам императорской власти в Поздней Римской империи, мировая историография до сих пор испытывает недостаток комплексных работ, в которых были бы системно проанализированы различные стратегии репрезентации императорской власти. Существующие исследования часто фокусируются либо на политико-административных механизмах управления, либо на отдельных элементах символической репрезентации (монетном деле, скульптуре, архитектуре), не предлагая целостного понимания того, как эти практики взаимодействовали между собой, формируя единый образ идеального правителя.

Особенно остро ощущается отсутствие работ, которые прослеживали бы взаимосвязь между традиционными римскими представлениями о власти и их трансформацией в условиях позднеантичного общества. Недостаточно изученными остаются вопросы: как именно менялись стратегии императорского самовыражения в контексте христианизации Римской империи, как взаимодействовали между собой различные каналы репрезентации (визуальные, ритуальные, текстуальные) и каким образом фигура императора продолжала оставаться центральным элементом политического поля даже в период наставшего кризиса имперских институтов.

Существующий пробел в историографии делает особенно актуальным исследование, которое, с одной стороны, обобщило бы накопленные данные о различных аспектах императорской власти, а с другой – предложило бы новые интерпретационные модели, позволяющие понять место и роль императора как ключевой символической фигуры, вокруг которой структурировалось все

³ См. Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Ред. Н.А. Хачатурян; сост. О.С. Воскобойников. М., 2008; Польская С.А. Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.). М., 2017.

пространство позднеантичной политической культуры. Такой подход позволил бы по-новому взглянуть на природу римской императорской власти, рассматривая ее как сложную семиотическую систему, объединявшую правовые нормы, административные процедуры и разнообразные формы символической репрезентации.

Степень разработанности проблемы. Традиционно отправной точкой в изучении Поздней Империи считается труд Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи»⁴. В своем фундаментальном сочинении историк не только зафиксировал сакральный характер императорской власти, но и подчеркнул ее принципиально новое обоснование – санкцию со стороны христианского Бога⁵.

Хотя Э. Гиббон первым сформулировал ключевые положения о природе власти в Поздней Римской империи, именно Теодор Моммзен систематизировал и углубил эти представления, придав им строгую научную форму⁶. Немецкий историк, сохраняя преемственность с гиббоновской традицией, сместил акцент на правовые аспекты императорской власти. Значительным вкладом Т. Моммзена стало введение в научный оборот термина «доминат», который рассматривался им как бюрократизированная система абсолютной монархии. В отличие от эпохи принципата, сохранявшей видимость республиканских институтов и относительную автономию подданных, доминат предполагал жесткую централизацию власти, всеобщую регламентацию и полное подчинение личности государству. Этот контраст, по мнению историка, особенно ярко проявился в правовой сфере: если ранее императорская власть хотя бы формально опиралась на республиканские традиции, то теперь она обрела самостоятельное, сакрализованное обоснование.

⁴ Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. 6 vols. London, 1776–1789.

⁵ Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи в 7 т. Т. 1. М., 2008. С. 536.

⁶ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht: in 3 Bd. Leipzig, 1871–1888.

В 1978 г. Й. Бляйкен подверг сомнению правомерность разделения римского императорского правления на принципат и доминат на основании принципов, выделенных Т. Моммзеном. По его мнению, это разделение не имеет под собой реальных конституционных оснований и представляет собой скорее искусственную конструкцию. Й. Бляйкен утверждал, что Т. Моммзен ввел термины «принципат» и «доминат» для того, чтобы подчеркнуть контраст между римской традицией и восточными (в частности, персидскими) моделями власти, которые значительно повлияли на римские институты⁷. Такой подход, по его мнению, позволял представить позднеримскую систему правления как «чуждую» классической античности, создав тем самым искусственный разрыв в исторической преемственности⁸.

Долгое время в зарубежной историографии доминировала интерпретация позднеримской императорской власти как абсолютной и сакрализованной, с явными заимствованиями из восточных церемониальных практик. Ярким примером этому является «История падения античного мира» (1895–1921) Отто Зеека⁹, где автор развивал идеи Т. Моммзена, опираясь также на концепцию «заката Европы» О. Шпенглера.

Э. Штайн в «Истории Поздней Римской империи» (1928)¹⁰, опираясь на институциональный подход немецкой исторической школы, переосмыслил природу позднеантичной государственности. Он исследовал христианизацию, эволюцию статуса императора (от *princeps* к *basileus*) и разрастание бюрократии. В отличие от современников, Штайн отверг пессимистическую риторику об «упадке» Рима, подчеркнув преемственность между позднеантичной и ранневизантийской государственностью. Он акцентировал сохранение многих административных и правовых институтов, несмотря на идеологические перемены.

⁷ Bleicken J. Prinzipat und Dominat. Gedanken zur Periodisierung der römischen Kaiserzeit. Weisbaden, 1978. S. 8, 22–25, 27–28.

⁸ Ibid. S. 6–7, 15, 30.

⁹ Seeck O. Geschichte des Untergangs der antiken Welt: in 6 Bd. Berlin, 1895–1921.

¹⁰ Stein E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Bd. I. Wien, 1928.

В историографии XIX – начала XX вв. изучение Поздней Римской империи концентрировалось преимущественно на институциональной и событийной истории, при этом христианство рассматривалось как основной фактор изменений. Идеологические основы императорской власти и формы ее репрезентации привлекали значительно меньшее внимание исследователей. Лишь в отдельных работах, таких как исследования А. Боака¹¹ и Ф. Брайтмана¹², анализировались конкретные аспекты императорского церемониала, в частности ритуал коронации.

В 1930-х гг., когда появились первые исследования, специально посвященные идеологии императорской власти и способам ее репрезентации, в историографии произошел значительный поворот. Пионером в этой области стал А. Альфельди, чьи работы «Организация монархического церемониала при римском императорском дворе» (1934) и «Знаки отличия и костюм римских императоров» (1935) продемонстрировали новые методологические подходы к изучению проблемы¹³. А. Альфельди предпринял решительную попытку пересмотреть господствовавший в науке взгляд на позднеантичный церемониал как на простое заимствование восточных традиций. Основываясь на тщательном анализе иконографических источников, он убедительно показал преемственность между эллинистическими, раннеимперскими и позднеантичными практиками репрезентации власти. В его интерпретации Диоклетиан предстает не как радикальный новатор, насаждавший чуждые Риму восточные обычаи, а, скорее, как систематизатор уже сложившихся традиций.

¹¹ Boak A.E.R. Imperial Coronation Ceremonies of the Fifth and Sixth Centuries // Harvard Studies in Classical Philology. 1919. Vol. 30. P. 37–47.

¹² Brightman F.E. Byzantine Imperial Coronations // The Journal of Theological Studies. 1901. Vol. 2 (7). P. 359–392.

¹³ Alföldi A. Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhofe // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. 1934. Bd. XLIX. S. 1–118; idem. Insignien und Tracht der römischen Kaiser // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. 1935. Bd. L. S. 1–171.

При этом А. Альфельди подчеркивал, что весь комплекс церемониальных практик и иконографии императора имел четкую идеологическую направленность – создание сакрального образа правителя, призванного визуально воплотить непреодолимую дистанцию между абсолютным монархом и его подданными. Его работы показали, что даже при сохранении формальной преемственности с раннеимперским периодом позднеантичная система репрезентации власти приобрела качественно новые черты, отражавшие трансформацию природы императорской власти.

Параллельно стали появляться и другие работы, которые рассматривали идеологию императорской власти в поздней Античности. Среди них стоит отметить статью Ж. Гаже «Теология имперской победы» (1933)¹⁴, в которой исследователь рассматривает значение образа победы в идеологии императорской власти. А также сочинение О. Трайтингера «Восточно-римская имперская и императорская идея в соответствии с ее формой в придворных церемониях» (1938)¹⁵. В отличие от предшествующих исследователей, сосредоточенных на внешней стороне церемониала, О. Трайтингер предложил глубинное осмысление его символической природы. Он рассматривал придворные ритуалы как сложный механизм репрезентации власти, где каждое действие разыгрывалось как фиктивное, почти театральное представление, призванное визуализировать абстрактные идеи имперского господства.

Изображения императора и символы императорской власти изучались в работах Х. Крузе¹⁶ и Р. Дельбрюка¹⁷. Х. Крузе рассматривал образ императора как сложный политико-правовой феномен, анализируя его эволюцию от эпохи

¹⁴ Gagé J. La théologie de la victoire impériale // *Revue Historique*. 1933. No. 171 (1). P. 1–33.

¹⁵ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Jena, 1938.

¹⁶ Kruse H. Studien zur offiziellen Geltung des Kaiserbildes im römischen Reiche. Paderborn, 1934.

¹⁷ Delbrück R. Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler. Berlin; Leipzig, 1929; *Antike porphyrtische Werke*. Berlin, 1932; *Spätantike Kaiserporträts von Constantinus Magnus bis zum Ende des Westreiches*. Berlin, 1933.

принципата до поздней Античности. Историк убедительно продемонстрировал, что скульптурные и живописные изображения правителей выполняли идеологическую функцию, являясь материальными носителями императорской власти и сакрального авторитета. Заслуга Р. Дельбрюка в большей степени заключалась в том, что он впервые собрал и систематизировал императорские изображения и предложил первые модели их интерпретации. Продолжателем Р. Дельбрюка стал А. Грабар, который в фундаментальном труде «Император в византийском искусстве» (1936)¹⁸ раскрыл глубокую взаимосвязь между визуальными образами императорской власти и ее сакрально-политической природой в Византии. Исследователь демонстрирует, как на протяжении столетий – от эпохи Константина Великого до падения Константинополя – искусство служило мощным инструментом легитимации и мифологизации императорской власти.

Особой значимостью обладает работа В. Энслина «Бог-Император и Император милостью Божией» (1943)¹⁹. В. Энслин исследует трансформацию императорской власти в поздней Римской и ранней Византийской империях, уделяя особое внимание ее сакрализации и религиозной легитимации. Основная идея работы заключается в том, что, начиная с Диоклетиана и Константина Великого, императорская власть постепенно приобретала сакральный статус, эволюционируя от языческого культа императора-бога (Gottkaiser) к христианской концепции правителя, получившего власть «милостью Божией» (von Gottes Gnaden).

В 1964 г. вышел фундаментальный труд А. Джонса «Поздняя Римская империя»²⁰, ставший важной вехой в изучении этого периода. Опираясь на тщательный анализ нормативных источников и нарративной традиции, А. Джонс дал всестороннюю характеристику политическим институтам

¹⁸ Grabar A. L'Empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936; Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000.

¹⁹ Ensslin W. Gottkaiser und Kaiser von Gottes Gnaden. Muenchen, 1943.

²⁰ Jones A.H.M. The Later Roman Empire 284-602, a Social Economic and Administrative Survey: in 3 vols. Oxford, 1964.

позднеримского государства. Особое внимание исследователь уделил двойственной природе императорской власти. С одной стороны, он подчеркивал ее легитимный характер, основанный на римской правовой традиции, с другой – отмечал сакральный статус правителя как наместника Бога на земле²¹.

Подлинно революционный поворот в изучении поздней Античности связан с выходом в свет труда П. Брауна «Мир поздней Античности» (1971)²². Эта работа, вобравшая в себя новые методологические подходы – антропологический, гендерный, историю памяти и исследование визуальных образов, – кардинально изменила сложившиеся историографические парадигмы²³. До П. Брауна в науке доминировали две основные интерпретационные модели: гиббоновская концепция упадка и разрушения, с одной стороны, и моммзеновская модель с акцентом на эволюции институциональных структур – с другой. П. Браун предложил принципиально иной подход, сместив фокус исследования на социальные и культурные аспекты позднеантичного общества. Такой подход позволил ему увидеть в эпохе поздней Античности не деградацию классических форм, а сложный процесс трансформации, сопровождавшийся появлением новых культурных практик и социальных моделей.

Лишь после появления труда П. Брауна, по времени совпавшего с публикацией статей А. Альфельди в рамках одной монографии²⁴, стали появляться труды, непосредственно посвященные вопросам репрезентации императорской власти и идеологии правления в сочинениях позднеримских авторов. Особое значение в изучении репрезентации власти в поздней Античности занимает работа С. Маккормак «Искусство и церемониал в

²¹ Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону, 1997. С. 165–166.

²² Браун П. Мир поздней Античности. 150–750 гг. н.э. М., 2024.

²³ James E. The Rise and Function of the Concept «Late Antiquity» // Journal of Late Antiquity. 2008. Vol. 1 (1). P. 200.

²⁴ Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 1970.

поздней Античности» (1981)²⁵, предложившая принципиально новый подход к анализу императорской репрезентации. Автор рассматривает художественные образы и политические ритуалы как единую систему визуализации власти, где каждый элемент – от монет до торжественных церемоний – выступал своеобразным «текстом», транслирующим согласованные идеологические сообщения. Особое внимание ею было уделено ритуалу *adventus*, который в интерпретации исследовательницы предстает не только как официальная церемония, но и как подлинное театральное действо, когда император, уподобленный статуе, воплощал собой идеализированный образ вечного триумфатора²⁶.

Важнейший тезис С. Маккормак заключается в семиотическом единстве различных форм императорской репрезентации: монументальной скульптуры, изображений на монетах и церемониальных практик – все они дополняли друг друга и буквально «цитировали» одни и те же визуальные коды²⁷. Работа С. Маккормак заложила методологические основы для современных исследований политической культуры поздней Античности, продемонстрировав, что искусство и ритуал в этот период выступали ее сущностными элементами, формировавшими особый символический язык императорского господства.

В 1990-е гг. исследования идеологии и репрезентации императорской власти в поздней Античности вступили в новую фазу, отмеченную значительным углублением методологического подхода и расширением тематического охвата. Этот период характеризуется синтезом традиционного институционального анализа с новейшими направлениями исторической науки, включая визуальные исследования, антропологию власти и семиотику политического дискурса.

²⁵ MacCormack S. *Art and Ceremony in Late Antiquity*. Berkeley, 1981.

²⁶ Ibid. P. 55.

²⁷ MacCormack S. *Latin Prose Panegyrics: Tradition and Discontinuity in the Later Roman Empire* // *Revue des Études Augustiniennes*. 1976. Vol. 22. P. 29–77.

Опираясь на фундаментальные труды А. Альфельди, В. Энслина и А. Грабара, исследователи 1990-х гг. разработали более тонкие инструменты для анализа различных форм императорской репрезентации. Особое внимание уделялось тому, как через монеты, архитектуру, церемониал и изобразительное искусство конструировался и транслировался образ имперского порядка. Эти исследования показали, что каждая форма репрезентации несла в себе строго продуманные идеологические послания.

Детально было исследовано изобразительное искусство позднего Рима. Весьма значимой в этом отношении оказалась работа П. Занкера «Сила образов в век Августа»²⁸ – в ней было подчеркнуто значение образов изобразительного искусства для достижения политической стабильности в империи и продвижения нового видения римского общества в ключе имперской идеологии. Применительно к поздней Античности на этой ниве выделяется несколько фамилий. Прежде всего, это Р. Смит, автор исследования, посвященного портрету Лициния²⁹, в котором интерпретируются императорские изображения и на этой основе формулируются идеологические основы тетрархии, а также Р. Рис, автор статей «Образ и образы: пересмотр иконографии периода тетрархии»³⁰.

Значительное внимание современных исследователей уделено панегирикам. Если ранее Э. Гиббон, Т. Моммзен, О. Зеек рассматривали их исключительно в качестве примеров позднеантичной риторики, которые представляли собой «льстивые речи», лишенные какой бы то ни было достоверности, то теперь панегирики детально изучаются с точки зрения их роли в формировании образа императора, акцентировании преемственности императорской власти, а также отражения в них специфики восприятия императора и ритуального выражения его статуса. В фарватере изучения

²⁸ Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus. Ann Arbor, 1990.

²⁹ Smith R.R.R. The Public Image of Licinius I: Portrait Sculpture and Imperial Ideology in the Early Fourth Century // Journal of Roman Studies. 1997. Vol. 87. P. 170–202.

³⁰ Rees R. Images and Image: a Re-Examination of Tetrarchic Iconography // Greece & Rome. 1993. Vol. 40 (2). P. 181–200.

панегириков на западе сегодня находятся К. Келли, Ч. Никсон и Б. Роджерс, Дж. Харрис.

Особым вниманием также пользуется проблема использования города и городских пространств для саморепрезентации императорской власти, в том числе посредством осуществления ритуала *adventus*, проведения публичных игр или других форм взаимодействия с городским населением.

Ритуал *adventus* как кульминация императорской саморепрезентации нашел отражение в трудах П. Дюфрейна³¹, Й. Лэтхэма³², в сборнике «Римский триумф»³³. Императорские статуи в контексте практик взаимодействия подданных с властью изучались в работах Л. Лавана³⁴, Ш. Руше³⁵, но прежде всего в сборнике «The Last Statues of Antiquity»³⁶.

В современных исследованиях представлен подробный анализ придворного церемониала. Такие исследователи, как К. Роллингер³⁷, О. Бекер³⁸, И. Тантило³⁹ показали, что ритуалы императорского двора были

³¹ Dufraigne P. *Adventus Augusti, adventus Christi: Recherche sur l'exploitation idéologique et littéraire d'un cérémonial dans l'antiquité tardive*. Paris, 1994.

³² Latham J. *Rolling Out the Red Carpet, Roman-Style: The Arrival at Rome from Constantine to Charlemagne* // *Urban Developments in Late Antique and Medieval Rome* / Eds. G. Kalas, A. van Dijk. Amsterdam, 2021. P. 109–147.

³³ *Der römische Triumph in Prinzipat und Spätantike* / Hrsg. F. Goldbeck, J. Wienand. Boston; Berlin, 2016.

³⁴ Lavan L. *Political Talismans? Pagan Statues in Late Antique Public Space* // *Journal of Roman Archaeology*. 2011. Vol. 24. P. 315–350.

³⁵ Roueché C.M. *Performers and Partisans at Aphrodisias in the Roman and Late Roman Periods*. London, 1993; Roueché C.M. *Written Display in the Late Antique and Byzantine City* // *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies* / Eds. E.M. Jeffreys, R. Cormack, J.F. Haldon. Aldershot, 2007. P. 235–254.

³⁶ *The Last Statues of Antiquity* / Eds. R.R.R. Smith, B. Ward-Perkins. Oxford, 2016.

³⁷ Rollinger C. *The Importance of Being Splendid: Competition, Ceremonial and the Semiotics of Status at the Court of the Late Roman Emperors (4th–6th Centuries)* // *Gaining and Losing Imperial Favour in Late Antiquity: Representation and Reality* / Eds. K. Choda, M. Sterk de Leeuw, F. Schulz. Leiden, 2020. P. 36–72; *Zeremoniell und Herrschaft in der Spätantike. Die Rituale des Kaiserhofs in Konstantinopel*. Stuttgart, 2024; *Another Heaven: Imperial Audiences and the Aesthetics of Ideology in Late Antique Ceremonial* // *Dumbarton Oaks papers*. 2023. Vol. 77. P. 85–130.

³⁸ Becker A. *Dieu, le souverain et la cour. Stratégies et rituels de légitimation du pouvoir impérial et royal dans l'Antiquité tardive et au haut Moyen Âge*. Bordeaux, 2022.

³⁹ Tantillo I. *I cerimoniali di corte in età tardoromana (284–395 D.C.)* // *Le corti nell'alto Medioevo: Spoleto, 24–29 aprile 2014*. 2015. Vol. 2. P. 543–584; «Le orme dell'imperatore». La

важнейшим инструментом власти. Посредством тщательно разработанного этикета церемониал визуализировал социальную иерархию, превращая абстрактную власть в зримый образ.

Лишь недавно стали появляться работы общего характера, посвященные проблематике образа императора и репрезентации его власти. К таковым можно отнести работу ученика А. Альфельди, Ф. Колба «Идеология правителя в поздней Античности»⁴⁰; сборник «Репрезентация императоров Рима: исторические и культурные перспективы сквозь время» под редакцией К. Дэвенпорт и С. Малик⁴¹. Также особо стоит отметить коллективную монографию «Оспариваемая монархия» под редакцией Дж. Винанда⁴² – в ней авторы поставили перед собой задачу оспорить традиционный взгляд на империю как на абсолютную монархию.

В отечественной историографии долгое время господствовала концепция домината, разработанная Т. Моммзеном. Дореволюционные историки (И.В. Нетушил, Ф.Ф. Зелинский, И.А. Покровский, Ю.А. Кулаковский, Ф.И. Успенский) рассматривали позднеримскую власть как форму абсолютной монархии, сформировавшуюся под влиянием Востока и порвавшую с республиканскими традициями принципата. По мнению исследователей, лишь в эпоху Феодосия империя вступила в период активной христианизации, оказавшей существенное влияние на представления о природе и функциях императорской власти. Советские историки, прежде всего С. И. Ковалев и Г. Л. Курбатов, в целом разделяли эту точку зрения, однако доминирование социально-экономической проблематики обусловило второстепенное положение вопросов, связанных с идеологией и репрезентацией императорской власти.

proscinesi tra immaginario retorico e pratiche cerimoniali // *Annali di archeologia e storia antica*. 2019. T. 26. P. 217–227.

⁴⁰ Kolb F. *Herrscherideologie in der Spätantike*. Berlin, 2001.

⁴¹ *Representing Rome's Emperors: Historical and Cultural Perspectives through Time* Davenport / Eds. C. Davenport, S. Malik, S. Oxford, 2024.

⁴² *Contested Monarchy: Integrating the Roman Empire in the Fourth Century AD* / Ed. J. Wienand. New York, 2014.

В современной отечественной историографии проблемы репрезентации императорской власти затрагиваются сравнительно редко. Наибольший интерес представляют работы А.Б. Егорова, А.В. Коптева, И.С. Свенцицкой и П.П. Шкаренкова, посвященные титулатуре, сакрализации и идеологическим основам позднеантичной монархии. При этом вопрос о целенаправленном конструировании образа императора через официальные каналы репрезентации остается недостаточно изученным.

В данном исследовании *объектом* изучения является императорская власть, а *предметом* – образ власти, возникающий в ходе символической коммуникации между императором и подданными.

Целью исследования является определение роли фигуры римского императора как ключевого связующего элемента между различными социальными группами населения империи – чиновничьим аппаратом, армией, сенаторской аристократией, столичным и провинциальным населением. Исследуется вопрос, как символические практики, в основе которых лежит образ правителя, обеспечивали устойчивость всей социальной системы, где император выступал в роли универсального посредника и арбитра между различными, зачастую вступавшими в конфликт друг с другом, интересами этих групп. Данная цель предполагает постановку и решение следующих *исследовательских задач*:

1. Установить генезис и компетенции ключевых административных должностей при императорском дворе.
2. Охарактеризовать систему регионального управления, выявив особенности функционирования провинциального чиновничества.
3. Раскрыть роль придворного церемониала в формировании символического пространства императорской власти и организации социальной иерархии правящей элиты.
4. Определить ритуал «коронации» императора как важнейший акт демонстрации преданности существующему политическому строю.

5. Охарактеризовать формы символического взаимодействия императора с крупнейшими городскими центрами империи.

6. Выявить практики символического представительства императорской власти в провинциях как средства обеспечения единства пространства империи и поддержания имперской административной системы.

Хронологические рамки. Несмотря на выведенный в заглавие работы V в., исследование охватывает более широкий исторический период – от смерти Феодосия I (395 г.) до воцарения Юстиниана I (527 г.). Эти хронологические рамки не случайны: начало данного периода ознаменовалось правлением малолетних Аркадия и Гонория, когда императорская власть приобрела чисто символический характер из-за юного возраста правителей, а завершение – радикальными изменениями при Юстиниане, который стремился к восстановлению сильной единоличной власти императора.

Научная новизна работы заключается в целостном осмыслении императорской саморепрезентации как единой системы, включавшей церемониал, публичные выступления и визуальные символы власти, адресованные всей империи. В отличие от исследований, сосредоточенных на отдельных элементах или на «центре» власти, здесь предложен синтетический подход: саморепрезентация рассматривается как универсальный механизм стабилизации порядка, где фигура августа выступала в роли системообразующего центра. Такой взгляд позволяет преодолеть традиционную фрагментарность и отказаться от дихотомии «реальная/показная власть», трактуя имперские образы как принцип функционирования императорской власти в условиях институциональной слабости.

Особое внимание уделено восприятию власти как таковой: ее символы не только транслировались из центра, но и интерпретировались и воспроизводились на местах, формируя общественный консенсус с помощью символической коммуникации власти и поданных. В отличие от традиционного акцента на придворных церемониях и сочинениях

христианских авторов, работа обращается и к региональным практикам – от локальных аккламаций и ритуалов до материальной культуры провинций, включая материалы Северного Причерноморья.

Методологическую основу работы составляет подход «культурной истории политического», позволяющий рассматривать власть как совокупность символических практик и форм коммуникации. Такой ракурс делает возможным анализ императорской власти через ритуалы, визуальные образы, тексты и церемонии как через элементы единой семиотической системы, в которой воспроизводился социальный порядок и подтверждалась легитимность правителя.

Использование антропологического понимания культуры (К. Гирц) и идей «перформативного поворота» (Б. Штольберг-Риллингер) позволяет рассматривать практики императорской репрезентации как действия, в которых власть «исполнялась» заново, становясь зримой и осязаемой для общества. Такой подход обеспечивает целостное видение позднеримской власти как системы коммуникации между императором и различными социальными группами.

В работе также используется понятие «репрезентация». Согласно определению К. Гинзбурга, «репрезентация является инструментом опосредованного познания, который позволяет увидеть отсутствующий предмет путем его замены “изображением”, способным воскресить предмет в памяти или “описать” его таким, каков он есть»⁴³. В такой трактовке понятие репрезентации приобретает особую значимость при анализе механизмов императорской власти в Риме. Репрезентация понимается как активный инструмент конструирования политического воображаемого – система визуальных, ритуальных и текстуальных кодов, которые позволяли отсутствующему императору опосредованно «присутствовать» в повседневной жизни подданных.

⁴³ Гинзбург К. Репрезентация: слово, идея, вещь // НЛО. 1998. № 33. С. 7.

Источниковая база исследования охватывает широкий круг памятников позднеантичного периода и делится на две большие группы: письменные и материальные. При этом каждый источник отражает культурный контекст своего времени и сам становится фактором формирования этой культуры. Такой подход позволяет рассматривать источники как элементы коммуникативной системы позднеантичного общества.

К письменным источникам относятся несколько подгрупп. Первая – исторический нарратив: хроники (Иоанн Малала, Кассиодор, Идаций и др), светские исторические сочинения (Аммиан Марцеллин, Аврелий Виктор, Зосим, Прокопий) и церковные истории (Евсевий Кесарийский, Созомен, Сократ, Филосторгий, Феодорит).

Вторая подгруппа – риторические и литературные произведения: панегирики (Клавдиан, Сидоний Аполлинарий, Корипп), речи (Фемистий, Либаний, Синезий), письма Сидония Аполлинария и Симмаха.

Третья подгруппа – христианские богословские сочинения: гомилии, трактаты, литургические тексты, агиография. Они раскрывают восприятие императорской власти в церковной среде, от признания ее богоустановленности до критики отдельных правителей. В работе используются труды Августина, Иоанна Златоуста, Амвросия, Василия Великого и других.

Четвертая подгруппа – частные документы (папирусы, переписка Флавия Абиннея и др.), отражающие восприятие власти в повседневной жизни. Пятая – законодательные тексты (Кодекс Феодосия, Кодекс Юстиниана, новеллы). Особое место занимает *Notitia Dignitatum*, зафиксировавшая административную структуру империи и символику должностей. Шестая подгруппа – трактаты чиновников о должностях и церемониях (Иоанн Лид «О должностях»; Константин Багрянородный «О церемониях»). Седьмая подгруппа – эпиграфические памятники – надписи на

монументах и культовых объектах, закреплявшие титулатуру и фиксировавшие отношение местных элит к императору

Ко второй группе относятся материальные источники. Во-первых, архитектурные памятники. Во-вторых, предметы материальной культуры с императорской символикой. Важное значение имеют монеты, отражающие официальные образы правителей и политические тенденции.

Теоретическая и практическая значимость работы. Исследование форм и специфики саморепрезентации римской императорской власти в V в. вносит существенный вклад в понимание политической культуры Поздней Римской империи, раскрывая особенности функционирования власти через призму ее символического выражения. Анализ устройства управленческого аппарата поздней Античности, представленный в исследовании, заполняет важную лакуну в отечественной историографии, поскольку на русском языке до сих пор отсутствуют специализированные учебные пособия по данной тематике, соответствующие современным научным стандартам.

Особое значение имеет анализ трансформации императорского почитания в условиях христианизации: традиционные практики наполнялись новым религиозным содержанием, создавая синтез римской политики и христианской символики. Этот аспект важен для истории раннего христианства. Кроме того, работа рассматривает визуальные репрезентации власти как семиотические системы, транслирующие политические послания. Выводы диссертации применимы в лекционных и семинарских курсах по истории Древнего Рима, Византии, Средневековья, раннего христианства и истории искусства.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. К IV в. в Римской империи сформировалась централизованная система управления, охватывавшая все уровни власти. Служилая аристократия выполняла административные и судебные функции, собирала налоги и реализовывала волю императора, что создавало новые формы

зависимости элиты от власти августа.

2. Императорский дворец с его пространственной организацией и церемониалом стал главным инструментом сакрализации власти. Он визуализировал божественный статус правителя, формировал представление о непреложности императорского порядка и римской вселенной, а позднеантичный город служил ритуальным пространством, где процессии, монументы и церемонии вовлекали общество в театрализованный диалог с императором, создавая иллюзию всеобщего согласия.

3. Легитимность конкретного императора зависела от признания его ключевыми социальными группами. На Востоке это обеспечивалось концентрацией политических институтов и диалогом с элитами и населением в Константинополе; на Западе разрозненность центров власти усиливала роль армии как источника легитимности.

4. Императорская власть проявлялась через систему саморепрезентации: чиновники, наделенные инсигниями и одеждой с императорскими изображениями, становились «живыми символами» власти, демонстрируя свою связь с августом. Их действия, подкрепленные ритуалами и документальными формулами, обеспечивали видимое присутствие императора и поддерживали сакральный образ монарха.

5. Материальная и визуальная среда власти включала сеть императорских статуй, которые создавали семиотическую систему империи: монументы материализовали власть, служили точками ритуального взаимодействия и ареной символического диалога или конфликта между властью и обществом.

6. Образ императора связывал разнородные социальные группы – военную элиту, провинциальную аристократию, чиновничество, горожан и церковь – выступая универсальным интеграционным механизмом. Провинциальные элиты, наиболее заинтересованные в поддержании высокого символического статуса императора, использовали обращение к образу всеблагого и благодетельного правителя для укрепления собственного

положения, превращая императорскую саморепрезентацию в основу локальной социальной иерархии, встроенной в общую систему имперской коммуникации.

Достоверность данного исследования обеспечивается комплексным анализом всего корпуса источников по данной проблематике на латинском и древнегреческом языках, а также привлечением археологических данных, памятников эпиграфики, архитектуры и изобразительного искусства. Критически осмыслен широкий историографический материал, отражающий современное состояние мировой научной разработки темы.

Апробация результатов исследования. Положения диссертации отражены в 7 работах, в том числе в 4 статьях в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. Положения о присуждении учёных степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова, и в 1 монографии. Основные результаты диссертации были также представлены в научных докладах на конференциях в т.ч. на Всероссийской научной конференции XXII и XXIII Сергеевские чтения в 2023 и 2025 г. и на I конференции «Закат Древнего мира» в 2023 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения, содержащего иллюстрации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение включает в себя обоснование актуальности темы, формулировку объекта и предмета, постановку цели и задач, а также определение хронологических рамок исследования. Во вводном разделе диссертации охарактеризованы принципы и основные методы исследования, обоснована научная новизна работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Во введении также дана характеристика источников и выявлена степень изученности темы в мировой науке.

В первой главе диссертации **«Иерархия власти: императорский двор и провинциальное управление в V в.»** внимание уделено устройству и особенностям управления империей как в центре, так и в регионах. В **первом параграфе (§1.1) «Императорский двор, или sacer comitatus»** императорский двор представлен как главный инструмент выражения власти, где должностные лица исполняли управленческие функции и символизировали близость к императору, воплощая его власть в повседневной придворной практике. Последовательно рассмотрены полномочия каждого должностного лица или группы лиц: **магистр служб; квестор священного дворца; препозит священной опочивальни; комит священных щедрот и комит частного имущества; священный консисторий.** Все они описываются как элементы институциональной и символической структуры власти, формировавшей образ императора в окружении сакрального центра.

Второй параграф (§1.2) «Региональное управление: между центром и периферией» посвящен структуре регионального управления в империи. Показано, что **префекты претория, викарии и провинциальные наместники** являлись посредниками между императором и провинциями, выполняя как административные, так и репрезентативные функции.

В **третьем параграфе (§1.3) «Особенности управления в позднеантичную эпоху»** рассмотрена трансформация управленческих институтов в V в., сочетающая тенденцию к централизации с нарастанием

символического значения должностных титулов и инсигний. Сделан вывод о том, что императорская власть через чиновную иерархию достигала самых отдаленных регионов империи, транслируя подданным указы и распоряжения. Злоупотребления чиновников нередко подрывали ее авторитет, что вынуждало императора проводить антикоррупционные меры. Аристократия, зависевшая от его воли и милости, выстраивала с ним сложные символические отношения как в столице, так и в провинциях. Социальный статус знати определялся уже не происхождением и традициями рода, а заслугами на службе императору.

Во второй главе **«Священный дворец: сакральные и политические аспекты дворцовых церемоний»** дворцовый церемониал исследуется как ключевая форма императорской саморепрезентации. Через трон, архитектуру, визуальные образы и ритуалы демонстрировался сакральный статус императора, а взаимодействие с элитой во дворце закрепляло его положение в качестве верховного арбитра и посредника.

Первый параграф (§2.1) «Императорский образ в пространстве consistorii» посвящен анализу сведений об **оформлении и декорациях священного дворца, sedes augusti и внешнем виде императора**. В тексте доказываемся, что из-за утраты мобильности августы превратились в «запертых правителей» (*principes clausi*), а дворец трансформировался в грандиозную декорацию для сакрализованных ритуалов власти. Центральное место в параграфе занимает описание консистория — официального зала для аудиенций, который обычно представлял собой просторную базилику с апсидой, где на возвышении располагался императорский трон. Оформление этого пространства (золотые потолки, мозаики, полы из порфира и обилие светильников) было призвано создать эффект «неземного сияния», уподобляя императорский двор небесному. Особое внимание уделено роли вооруженной стражи в сияющих доспехах, которая служила не только для защиты, но и для демонстрации триумфальной мощи империи, вызывая у посетителей благоговейный трепет. Таким образом, обосновывается, что архитектурная

среда и театрализованная «хореография света» во дворце служили мощным инструментом легитимации власти, превращая каждое появление императора в визуальное подтверждение его сакрального статуса и незыблемости установленного им социального порядка.

Во втором параграфе (§2.2) «*Adoratio purpurae, salutatio, supplicatio* и *προσκύνησις*» анализируются одноименные ритуалы как перформативные акты признания, закреплявшие дистанцию между правителем и подданными и подтверждавшие сакральный статус августа. В работе оспаривается традиционный взгляд на эти практики как на простое заимствование «восточного деспотизма» и указывается на их глубокие корни в античной культуре мольбы и аристократического приветствия, постепенно трансформировавшихся в обязательный церемониал. Основное внимание уделено ритуалу *adoratio purpurae* (целование императорского пурпура), окончательно закрепившемуся при Диоклетиане: он служил наглядным свидетельством исключительной близости подданного к августу, превращая акт публичного подчинения в желанную статусную привилегию, доступную лишь высшим чинам. Таким образом, в параграфе обосновывается, что через эти формализованные жесты не только утверждался сакральный характер личности императора, но и «приручалась» и упорядочивалась придворная элита, чей вес в обществе напрямую зависел от установленной правителем степени доступа к его священной особе.

В третьем параграфе (§2.3) «Императорская аудиенция, прием посольств и пир» показано, что данные формы дворцового общения служили интеграции элиты в имперскую систему и воспроизводили образ императора как арбитра и благодетеля.

По итогам второй главы сделан вывод, согласно которому дворцовый церемониал императорской власти в V веке был тщательно выстроенной системой визуальных и ритуальных практик, призванной воплощать сакральность и абсолютное могущество императора. Через строго регламентированные ритуалы и организацию дворцового пространства

утверждалась внутренняя придворная иерархия и символически конструировался центр миропорядка. Этот церемониал служил ключевым инструментом сплочения элит вокруг императора и демонстрации превосходства империи внешним посланникам и правителям.

В третьей главе «Где пребывает Август»: церемониальные точки императорского присутствия» рассматриваются формы публичного присутствия императора вне дворца. Показано, что перемещение двора, ритуалы «вступления на престол» и торжественные въезды в города формировали символическую карту власти, а участие императора в массовых зрелищах обеспечивало прямую коммуникацию с подданными.

Первый параграф (§3.1) «Выбор императором места своей резиденции» посвящен сложному процессу избрания августом места собственного пребывания. Выбор резиденции определялся, помимо прочего, задачами наиболее эффективной демонстрации власти. Император стремился разместить двор в тех центрах, где было возможно вступить в максимально широкую символическую коммуникацию с подданными благодаря сосредоточению различных социальных групп. Таким образом, резиденция становилась ключевой площадкой для воспроизводства его образа и утверждения сакрального статуса власти.

Во втором параграфе (§3.2) анализируется ритуал *accessio augusti*. Ритуал «вступления императора на престол» становился инструментом коллективного подтверждения передачи власти от одного лица к другому. Легитимность правителя закреплялась через участие в церемонии различных социальных групп – сената, армии, городского населения, представителей клира. Их присутствие и аккламации становились формой признания нового императора, одновременно подтверждая собственную лояльность и социальный статус в имперской системе.

Схожую роль играли адвенты, изученные в **третьем параграфе (§3.3) «*Adventus augusti*»**. В нем описывается городское пространство, включая стены, монументальные ворота и улицы с портиками, как грандиозные

декорации, призванные обрамлять триумфальный путь императора и внушать подданным мысль о незыблемости его правления. Ритуал *adventus*, эволюционировавший из классического римского триумфа, в V веке стал важнейшим инструментом подтверждения легитимности августы: через торжественные встречи и аккламации народ, сенат и армия совершали ритуальный акт «принятия» властителя. Конечная точка шествия – дворцовая зона – символизировала вступление августы во владение центром империи, где строгий церемониал вхождения в покои окончательно закреплял иерархический порядок и единство государства

В четвертом параграфе (§3.4) «Император и публичные празднества» доказывається, что участие императора в зрелищах, прежде всего на ипподроме, создавало пространство массовой коммуникации, где воспроизводился образ «всепобеждающего» и «благодетельного» государя. При дворе августы лояльность выражали чиновники и аристократы через *adoratio*, тогда как на ипподроме ее подтверждало константинопольское население через аккламации, организованные фракциями. Эти всенародные аккламации выступали актом признания власти императора. При этом адресатами такого зрелища могли быть не только горожане, но и сенат с придворными чинами: демонстрация единодушной поддержки лишала элиты возможности оспаривать власть августы.

Сделан вывод, что в позднеантичный период устойчивость положения императора зависела от его признания ключевыми «группами принятия», сосредоточенными в крупных городах. На Востоке Константинополь с его ипподромом и процессионными улицами создавал уникальное пространство для церемониального вовлечения армии, сената и народа, воплощая идеальный консенсус. На Западе отсутствие подобного единого центра и доминирование армии как главной легитимирующей силы ослабляли императорскую власть, делая её менее устойчивой.

Четвертая глава «Тотальная видимость власти: механизмы репрезентации *in omnibus locis*» посвящена повседневным формам

воспроизводства императорской власти в масштабах империи. Через пожалования титулов, статуи, аккламации, изображения на монетах и правовые акты император становился «вездесущим», даже если он физически отсутствовал, что позволяло сохранять имперское пространство в символическом единстве.

В первом параграфе (§4.1) «Иерархия по воле императора» пожалования и титулы трактуются как способ легитимации элиты через прямую связь с императором, закреплявшую порядок власти. В то же время общий порядок пожалований и связанная с ними риторика подчеркивала благотельную роль августа в отношении своих подданных, что подчеркивало их зависимый характер.

Во втором параграфе (§4.2) «“Вечное присутствие” императора» последовательно рассмотрены формы повседневной репрезентации власти – ***imagines augusti***, аккламации, инсигнии чиновников, оглашение законов, **чиновничьи украшения с императорскими образами**. Императорские изображения (статуи и портреты), которые визуализировали вездесущность правителя в городском пространстве, выполняли также важные правовые и сакральные функции, выступая, например, местом убежища или точкой подачи петиций. Важное внимание уделено теологическому обоснованию тождественности образа и его прототипа, а также практике публичных аккламаций и использованию императорской иконографии на знаках власти чиновников (скипетрах, ларцах, поясах), что легитимировало их действия как прямое проявление воли самого августа. В параграфе обосновывается, что через разветвленную сеть визуальных символов, ритуалов и публичного оглашения законов формировалась «тотальная видимость» власти, превращавшая правителя в незримого, но постоянного гаранта порядка в любом уголке империи.

В третьем параграфе (§4.3) «Лик власти в нумизматике» были проанализированы монеты с изображением правящего императора. В поздней Античности профиль августа на монете служил прежде всего техническим

условием доверия – своеобразным государственным клеймом, гарантирующим качество металла. В параграфе отмечается, что в этот период портреты утрачивают индивидуальные черты, становясь стандартизированными воплощениями абстрактного принципа власти и «вечного присутствия» правителя. Монеты выступали в качестве универсального и наиболее доступного средства, распространявшего образ победоносного и благодетельного императора на все слои населения.

Императорская власть в поздней Античности материализовалась в повседневной жизни через «рассеянную сакральность» – всеобъемлющую систему символов. Чиновничьи инсигнии, городские статуи, клейменные гири и монеты делали образ императора вездесущим, визуализируя его авторитет в суде, на рынке и в общественных церемониях. Эта же система, однако, создавала и каналы для диалога: статуи и аккламации могли стать как объектами почтения, так и инструментами народного протеста, превращая абстрактную власть в осязаемый опыт постоянного взаимодействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к проблеме саморепрезентации римской императорской власти в V в. позволило выработать целостное представление о том, каким образом фигура императора продолжала оставаться системообразующим элементом позднеантичного общества. Несмотря на политическую и институциональную нестабильность эпохи, символический авторитет власти августов сохранялся благодаря разветвленному комплексу ритуалов, образов и иных форм репрезентации, обеспечивавших его постоянное подтверждение и общественное признание.

Рассмотрение императорского двора и провинциального управления показало, что бюрократические институты выполняли двойную функцию. Помимо того, что они осуществляли управление, они также являлись важнейшим инструментом демонстрации иерархии, упорядоченной вокруг

фигуры императора. Каждый чиновник был в определенной мере «носителем» частицы власти августа, и эта посредническая роль наглядно проявлялась в знаках статуса, правовых полномочиях и публичных актах.

Изучение дворцового церемониала позволило выявить его перформативную природу. Ритуалы *adoratio*, *supplicatio*, *προσκύνησις*, приемы посольств и *convivium* не сводились к формальной демонстрации величия – они были актами политической коммуникации, где воспроизводился образ императора как сакрального арбитра и посредника. Подобные практики служили средством демонстрации власти и одновременно способом ее утверждения в действии. В них власть приобретала зримую форму и получала публичное признание со стороны как элиты, так и широких слоев общества.

Рассмотрение ритуалов с участием фигуры правителя – *adventus*, *accessio augusti*, празднеств на ипподроме – выявило особую стратегию власти. Императорская фигура становилась центром городской жизни, а сама топография столицы и провинциальных городов превращалась в пространство политической символики. Встречи августа и его участие в массовых зрелищах закрепляли в умах идею его неразрывной связи с подданными, формировали консенсус и подчеркивали универсальную роль правителя как гаранта привычного миропорядка.

Наконец, анализ механизмов «тотальной видимости» власти показал, что присутствие императора было обеспечено в любом месте империи – через *imagines augusti*, аккламации, знаки чиновничьего статуса, монеты и оглашение законов. Эта система превращала императора в «вездесущую» фигуру: он мог физически отсутствовать, но его символическое присутствие оставалось обязательным условием функционирования общественной жизни.

Таким образом, в V в. императорская власть предстает в форме многоуровневой семиотической системы. В ее рамках правовые акты, административные структуры, визуальные образы и ритуалы взаимодействовали между собой и создавали целостное представление о власти. Эта система поддерживала устойчивость политического порядка, в

котором император совмещал функции верховного администратора, сакрального символа и универсального посредника между различными социальными группами.

В условиях кризиса государственных институтов ключевую роль в поддержании имперского порядка стали играть формы символического воспроизводства власти. Фигура императора оставалась центром политического воображаемого, а его образ функционировал как универсальный код имперской идентичности. Анализ широкого круга источников – от нарративных и эпиграфических до археологических материалов Северного Причерноморья – позволяет заключить, что практики репрезентации императора были в первую очередь инструментом провинциальных элит. Именно они, апеллируя к образу всеблагого и победоносного августа, укрепляли собственный статус в глазах местного населения и выстраивали локальную социальную иерархию. Таким образом, императорская саморепрезентация в регионах выполняла двойную функцию: она обеспечивала сакральное присутствие центральной власти и одновременно служила основой для интеграции местных сообществ в общеимперскую систему коммуникации и подчинения.

Полученные результаты открывают возможность для дальнейших сравнительных исследований – как с более ранними периодами римской истории, так и с ранневизантийской традицией, где наследие позднеантичной репрезентации власти получило новое развитие. Синтетический подход к изучению власти через призму «культурной истории политического» позволяет вырабатывать универсальные модели анализа, применимые к различным эпохам. В итоге диссертация показывает, что римская императорская власть в V в. выполняла функции политического института и одновременно средства культурной коммуникации.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

1. Научные статьи по теме диссертационного исследования, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

1. Конопаткин В.А. Церемониал адвента в Риме в последние десятилетия Западной Римской империи (440–476 годы) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 167. № 1. С. 7–20. EDN: YDQSBА. Импакт-фактор 0,289 (РИНЦ). 1 п.л.

2. Конопаткин В.А. Образ победы и репрезентация власти римских императоров в V в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11. № 4 (44). С. 7–12. EDN: HDJHYF. Импакт-фактор 0,376 (РИНЦ). 0,5 п.л.

3. Конопаткин В.А. Власть римского императора и публичные празднества в конце IV–V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. № 4 (86). С. 115–125. EDN: RZDDSL. Импакт-фактор 0,414 (РИНЦ). 0,8 п.л.

4. Конопаткин В.А. IMAGINES AUGUSTI: роль императорских изображений в городах Поздней Римской империи // Проблемы истории, филологии, культуры. 2023. № 4 (82). С. 116–123. EDN: BEODWT. Импакт-фактор 0,414 (РИНЦ). 0,5 п.л.

II. Иные публикации:

5. Конопаткин В.А. Законодательство как средство публичной коммуникации в Поздней Римской империи в IV веке // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4 (46). С. 115–122. EDN: EZHMTJ. Импакт-фактор: 1,078 (РИНЦ). 0,75 п.л.

6. Конопаткин В.А., Скворцов А.М. Титулатура императоров Поздней Римской империи (конец III – середина V вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 2. С. 214–223. EDN: TKPRLC. Импакт-фактор: 0,319. 1,2 п.л. (Авторский вклад – 0,6 п.л.).

7. Конопаткин В.А. Торжество образа: визуальные и ритуальные формы римской императорской власти в V веке. М.; СПб: Наука, 2025. 326 с. EDN: DVBJDM. 19, 8 п.л.